

—

Цзин Ци долго молчал.

Тао Минчжуо не знал, как долго они так тихо противостояли друг другу, но ему казалось, что каждая секунда ожидания бесконечно растягивается, становясь мучительной и долгой.

В то же время он, наконец, с опозданием вспомнил, что он натворил.

Когда Цзин Ци пошел к двери, у Тао Минчжуо внезапно возникло предчувствие: он чувствовал, что если он ничего не скажет, прежде чем Цзин Ци выйдет из этой двери, то это несуществующее недоразумение будет подтверждено его молчанием, и многие вещи между ними станут необратимыми.

Из-за волнения он начал говорить сбивчиво, и ему казалось, что Цзин Ци его не слушает, поэтому он решил сначала импульсивно поцеловать его.

Что касается тех сумбурных слов, которые он сказал после поцелуя, Тао Минчжуо сейчас и думать об этом не смел. Он был из тех, кто быстро набирает обороты, но и быстро трусит.

Он совершенно не мог понять, почему он смог сказать такие неприличные и крайне «горячие» слова, как «твои губы очень мягкие» и «на самом деле я был очень счастлив».

Как раз когда над головой Тао Минчжуо уже начал медленно подниматься белый дым, он услышал, как Цзин Ци сказал ему: «Хорошо».

Поскольку они молчали слишком долго, Тао Минчжуо сначала не понял, он ошеломленно посмотрел на Цзин Ци, еще не осознавая, что означает это слово.

Голос Цзин Ци был мягким, чистым и свежим, как талая вода, и он произнес его так четко, что Тао Минчжуо услышал его очень отчетливо.

«Ах», — тупо подумал Тао Минчжуо, — «Цзин Ци только что сказал мне 'хорошо'».

Тишину нарушил резкий стук в дверь, это Лян Цзинцзин внезапно распахнула дверь.

Ее лицо выражало затруднение, она извиняющимся жестом указала Цзин Ци на свой телефон и быстро сказала: «Господин Цзин, сторона из страны U хочет обсудить детали контракта, вам сейчас удобно?»

Лян Цзинцзин была занята переговорами с человеком на другом конце провода, поэтому не заметила тонкой атмосферы в офисе и рук, которые держали друг друга.

Тао Минчжуо почувствовал себя так, будто он только что проснулся от долгого сна, и он отпустил руку Цзин Ци.

Цзин Ци слегка нахмурился, поднял глаза, чтобы посмотреть на него, и, казалось, хотел что-то сказать, но Тао Минчжуо, как будто приняв какое-то решение, поджал губы и сказал Цзин Ци: «Ты сначала займись делами».

Он некоторое время пристально смотрел на лицо Цзин Ци, как будто принял какое-то решение, и глубоко вздохнул.

«Сегодня вечером... я, возможно, вернусь домой немного поздно», — он отступил на шаг и тихо сказал Цзин Ци. «Так что тебе не нужно ждать меня на ужин».

Цзин Ци ошеломленно: «...Что?»

Но Тао Минчжуо больше ничего не сказал, просто кивнул Цзин Ци и широкими шагами повернулся и вышел за дверь.

Только когда Тао Минчжуо приехал в маникюрный салон Тао Сюэ на такси, он с опозданием понял, что его поведение днем было очень похоже на труса, который до смерти испугался после признания и убежал.

Но теперь Тао Минчжуо уже ни о чем не мог думать, потому что он просто хотел немедленно подарить Цзин Ци ту картину.

Маникюрный салон и дом Цзин Ци находились в двух очень отдаленных районах, плюс пробки в час пик, поэтому, когда Тао Минчжуо вернулся домой к Цзин Ци с картиной, было уже около восьми вечера.

Открыв дверь, Тао Минчжуо обнаружил, что в гостиной было темно, только на кухне горел слабый свет.

Цзин Ци стоял на кухне, склонив голову, чем-то усердно занимаясь. Его профиль выглядел спокойным и красивым, как чистый, нежный масляный портрет с низкой насыщенностью.

Из-за тусклого света большая часть лица Цзин Ци была покрыта тенью, поэтому Тао Минчжуо не мог ясно разглядеть его выражение.

Но в тот момент, когда у двери послышался звук, Цзин Ци почти мгновенно поднял голову и повернулся к Тао Минчжуо, стоявшему у входа.

Их взгляды безмолвно встретились, и хотя не было никаких оснований, в тот момент Тао Минчжуо почувствовал, что Цзин Ци, кажется, ждал его.

Выражение лица Цзин Ци не изменилось.

Но Тао Минчжуо заметил, что, когда Цзин Ци его увидел, его плечи, казалось, немного расслабились, как будто он безмолвно вздохнул с облегчением.

Тао Минчжуо немного помедлил, держа картину, подошел к Цзин Ци и спросил: «Ты еще не поел? Я же просил тебя не ждать меня?»

Цзин Ци помолчал немного и ответил: «Я не очень голоден».

Тао Минчжуо остановился и спросил: «Что варится в кастрюле?»

Цзин Ци сказал: «Я варю сладкий картофель, который мы купили раньше в супермаркете, если не съесть его сейчас, он испортится».

Тао Минчжуо немного подумал и сказал: «О... Да, да, тот пакет сладкого картофеля взял я и, потому что он лежал глубоко в холодильнике, я все время забывал его съесть».

Они говорили о сладком картофеле, но ни один из них на самом деле не думал о кастрюле, в которой варился сладкий картофель.

На кухне было очень тихо, слышался только звук медленно закипающей воды в кастрюле, а через мгновение Цзин Ци поднял голову, посмотрел в глаза Тао Минчжуо и сказал: «Днем ты ушел очень быстро».

Он спокойно констатировал факт Тао Минчжуо.

Но в тот момент, когда их взгляды встретились, Тао Минчжуо вдруг почувствовал необъяснимую совесть, он прочистил горло: «Потому что я... я хотел принести тебе эту картину».

Тао Минчжуо протянул картину Цзин Ци.

«Это... нарисовано красками, которые ты мне подарил. Когда я рисовал, я все время думал нарисовать что-то, что имеет для меня особое значение, но что бы я ни выбирал, мне казалось, что это не то». Тао Минчжуо почесал голову и смущенно сказал: «Когда я опомнился, ты уже появился на холсте».

«Хотя, кажется, немного поздно, но все же хочу поздравить тебя с днем рождения», — сказал он.

Цзин Ци посмотрел на себя на картине и ничего не сказал.

Через мгновение он поднял руку и кончиком пальца коснулся выпуклости, образовавшейся на холсте после застывания краски, и сказал Тао Минчжуо: «Очень красиво».

«Это первый раз, когда кто-то дарит мне три ценных подарка на мой день рождения», — услышал Тао Минчжуо от Цзин Ци. «Спасибо тебе».

Услышав «три подарка», Тао Минчжуо на мгновение замер.

Первый подарок, вероятно, относится к вчерашнему поцелую, второй подарок — это картина, а третий подарок...

Тао Минчжуо растерянно посмотрел на Цзин Ци и обнаружил, что Цзин Ци тоже смотрит на него, его губы слегка изогнуты, а улыбка была мягкой и спокойной.

Он понял, что последний подарок, о котором говорил Цзин Ци, это, должно быть, он сам.

В этот момент Тао Минчжуо не мог слышать таких слов.

Его пульс мгновенно подскочил, он почувствовал, что его руки и ноги не знают, куда деться, щеки горели до предела, через мгновение он опустил голову и в панике глубоко вздохнул.

Хотя он знал, что так говорить, возможно, немного стыдно, Тао Минчжуо чувствовал такое сильное нетерпение, что в конце концов все же открыл рот и снова напомнил Цзин Ци: «Ты... ты сегодня в полдень ведь сказал 'хорошо', да?»

Цзин Ци, однако, растерянно посмотрел на него и спросил: «Что?»

Тао Минчжуо тут же изобразил недоверие: «Я в полдень спросил тебя, можем ли мы быть вместе, и ты сказал 'хорошо', я очень отчетливо слышал, ты, как ты можешь теперь отказываться от своих слов...»

Цзин Ци посмотрел на внезапно изменившееся выражение лица Тао Минчжуо, а затем, не

выдержав, опустил глаза и фыркнул, засмеявшись.

«Да, это я сказал 'хорошо'», — сказал Цзин Ци.

Он поднял голову, посмотрел в глаза Тао Минчжуо и добавил: «Я не откажусь от своих слов и не пожалею».

Только тогда Тао Минчжуо понял, что Цзин Ци только что намеренно дразнил его.

Он был немного смущен, но не мог не радоваться словам Цзин Ци.

Он кряхтел некоторое время, но в конце концов не выдержал и снова тихо подтвердил: «Значит, мы... мы теперь встречаемся?»

Цзин Ци сказал: «Да».

Тао Минчжуо тихо сказал «о».

Он снова опустил голову, больше ничего не говоря, выглядел очень спокойно, постоял немного, затем открыл ящик и начал готовить столовые приборы, которые ему понадобятся.

Но как только он поднял руку, рука Тао Минчжуо слегка дрогнула и задела ложку, лежавшую рядом.

Ложка упала на пол, Тао Минчжуо в панике нагнулся, чтобы поднять ее, но, вставая, махнул рукой и опрокинул разделочную доску, стоявшую рядом.

Тао Минчжуо: «...»

Ингредиенты с доски с грохотом посыпались на пол. Чем больше падало вещей, тем больше паниковал Тао Минчжуо, и чем больше он паниковал, тем больше вещей он ронял, словно это была реальная версия «Тома и Джерри».

Прошло десять минут, и после того, как он неуклюже собрал все, Тао Минчжуо совсем потерял дар речи.

Цзин Ци знал, что если он продолжит оставаться рядом с Тао Минчжуо, то его температура тела быстро превысит температуру сладкого картофеля в кастрюле.

«Я пойду в гостиную поработать», — мягко сказал Цзин Ци. «Сладкий картофель, наверное, почти готов, ты еще пять минут за ним присмотришь, а потом выложишь на тарелку, хорошо?»

Тао Минчжуо ошеломленно посмотрел на него: «Хорошо».

Цзин Ци кивнул, снял фартук и поднял руку, протянув ее к Тао Минчжуо.

Тао Минчжуо только спустя некоторое время понял, что Цзин Ци хочет помочь ему надеть фартук.

На самом деле, достаточно было просто следить за сладким картофелем в кастрюле, и не было никакой необходимости надевать фартук, но Тао Минчжуо поджал губы и послушно опустил голову.

Цзин Ци надел фартук на шею Тао Минчжуо.

Затем он подошел к Тао Минчжуо сзади и помог ему завязать фартук.

Оба молчали, Тао Минчжуо не видел лица Цзин Ци, но чувствовал движения его рук на своей пояснице, и его дыхание снова стало учащенным.

Через некоторое время Цзин Ци снова подошел к Тао Минчжуо.

Он поднял руку, нежно погладил Тао Минчжуо по волосам и сказал: «Умница».

Вода в кастрюле начала кипеть, один пузырек за другим лопался, крышка покрылась густым паром, воздух был очень спокойным.

Цзин Ци опустил руку, улыбнулся Тао Минчжуо и повернулся, выйдя из кухни.

Тао Минчжуо на мгновение замер на месте, поднял руку и потрогал свои волосы.

Кипящая вода в кастрюле издавала булькающие звуки, Доктор Вэнь любопытно подбежал к Тао Минчжуо, виляя хвостом, и заглянул в кастрюлю.

Затем Тао Минчжуо вдруг засмеялся.

Он опустил голову, как будто говорил Доктору Вэню, или как будто подражал тому, как Цзин Ци только что говорил с ним, бормоча: «...Умница».

Он... он теперь с Цзин Ци.

Сегодня двадцатое мая, и хотя Тао Минчжуо всегда пренебрежительно относился к таким «липким» праздникам, но если это касалось его самого, то он очень двойственно считал, что это судьба, предопределенная свыше.

В радости Тао Минчжуо почувствовал некоторое беспокойство.

В отличие от своей неуклюжей, возбужденной и полностью раскрытой во всех движениях манеры, Тао Минчжуо чувствовал, что Цзин Ци всегда может оставаться спокойным и собранным.

Он так сильно любил его, и любил так долго, почему, сталкиваясь с ним, он никогда не показывал никаких слабостей и всегда мог быть таким спокойным?

Как и раньше, когда они фотографировались на выставке, Тао Минчжуо вдруг почувствовал это кислое, совершенно необоснованное стремление к победе.

Через мгновение он опомнился и сразу же почувствовал некоторое смущение.

Тао Минчжуо чувствовал себя немного слишком наивным, раз они с Цзин Ци уже любят друг друга, то какая необходимость разделять, кто победил, а кто проиграл, и мелочно сравнивать, кто кого больше любит?

Тао Минчжуо выдохнул и только тогда вспомнил, что в кастрюле еще варился сладкий картофель, он посмотрел на время на телефоне и почувствовал, что прошло уже пять минут.

Однако, когда Тао Минчжуо уменьшил огонь, поднял крышку и заглянул в кастрюлю, он вдруг остолбенел: «Это...»

Он замер, инстинктивно обернулся и посмотрел на Цзин Ци, сидевшего на диване в гостиной.

Через мгновение Тао Минчжуо снова повернулся, он не произнес ни звука, но его губы не могли не растянуться в улыбке.

Он выключил огонь, продолжая неконтролируемо хихикать, и ложкой вытащил из кастрюли целый нераспакованный пакет сладкого картофеля.

—

Автору есть что сказать:

Перепуганные неуклюжие влюбленные, хе-хе

—

<http://bllate.org/book/12607/1119765>